

ЮН ЭЛЬСТЕР

Локальная справедливость и межличностные сравнения

I. Введение

К изучению проблемы межличностных сравнений полезности или благосостояния можно подходить по-разному. Во-первых, существует концептуальная проблема: все ли такие сравнения значимы? Во-вторых, существует вопрос операционализации. Допустим, что понятие сравнения полезности или благосостояния различных людей значимо, но можно ли его надежно и обоснованно применять на практике? «На практике» может означать здесь все — от процедур, которые могут работать только при идеальных условиях, до методов, которые могут использоваться на повседневной основе во множестве различных обстоятельств. В-третьих, мы можем начать с того факта, что люди производят такие сравнения постоянно и задаться вопросом, как они это делают. Этот вопрос или, скорее, его подвид является основной темой этой статьи.

Эта проблема — как люди действительно производят межличностные сравнения — может исследоваться по-разному. Подходя с позиций экспериментальной психологии, можно рассматривать эвристику, пристрастия и непоследовательность. Экспериментальные техники также позволяют нам оценить восприятие относительной нужды и выделить черты ситуации распределения и потенциальных получателей, которые определяют такое восприятие². В центре внимания этой статьи находится распределительное поведение институтов. При распре-

¹ J. Elster, "Local justice and interpersonal comparisons," in J. Elster and J. Roemer (eds.), *Interpersonal Comparisons of Well-Being* (Cambridge: Cambridge University Press, 1991), p. 98–126.

² M. Yaari and M. Bar-Hillel, "On dividing justly," *Social Choice and Welfare* 1 (1985), p. 1–14; M. Bar-Hillel and M. Yaari, "Judgments of justice" (unpublished manuscript 1987).

делении редких благ, имеющихся у них в распоряжении — органов для трансплантации, освобождения от военной службы или приема в высшие учебные заведения, — институты часто (но не всегда) производят сравнения между потенциальными получателями. Эти сравнения часто делаются с точки зрения полезности или благосостояния и еще чаще с точки зрения наличия права на получение блага.

Поэтому структура этой статьи строится следующим образом. В разделе II рассматривается понятие «локальной справедливости», которое лежит в основе моего анализа. В дополнение к рынку и глобальной перераспределительной системе налогов и перечислений, к детерминантам жизненных шансов относится локальное, децентрализованное, натуральное распределение редких благ больницами, призывными комиссиями, университетами и схожими институтами, использующими различные распределительные механизмы и критерии. В разделе III я сосредоточу внимание на подвиде этих критериев, которые связаны со сравнениями между индивидами, основанных на их заслугах, достоинствах, достижениях, способностях, вкладах или потребностях. В разделе IV более подробно рассматривается меньшая совокупность критериев, которые в каком-то смысле связаны с межличностными сравнениями благосостояния или полезности. Я рассмотрю более подробно особую проблему отбора получателей органов для трансплантации. В разделе V предлагаются некоторые выводы об использовании прав на получение блага в контекстах локальной справедливости.

II. Понятие локальной справедливости

Концепции справедливости, которых придерживаются индивиды или которые проводятся в жизнь институтами, могут быть глобальными или локальными, окончательными или процедурными. Глобальные теории справедливости имеют своим основным объектом общее устройство общества с особым акцентом на политической свободе и схемах перераспределительного налогообложения. К окончательным глобальным теориям относятся утилитаризм³, эгалитаризм⁴ и теория справедливости Джона Ролза⁵. Наиболее известная процедурная глобальная теория связана с именем Роберта Нозика⁶.

³ См., напр.: B. Williams and A. Sen (eds.), *Utilitarianism and Beyond* (Cambridge University Press 1982).

⁴ См.: R. Dworkin, "What is equality? Part I: Equality of welfare," *Philosophy and Public Affairs* 10 (1981), p. 185–246, "What is equality? Part II: Equality of resources," *ibid.*, p. 283–345; J. Roemer, "Equality of talent," *Economics and Philosophy Journal* 1 (1985), p. 151–188, "Equality of resources implies equality of welfare," *Quarterly of Journal of Economics* 101 (1986), p. 751–784.

⁵ Дж. Ролз, *Теория справедливости*, Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1995.

⁶ Нозик Р. *Анархия, государство и утопия*. М.: ИРИСЭН, 2007.

Окончательные глобальные теории можно отличать друг от друга по двум моментам — по природе блага, распределяемого через перераспределительную систему и по избранному принципу перераспределения. Благом может быть полезность (как в утилитаризме и эгалитаризме), совокупность первичных благ (как у Ролза) или базовых способностей (как у Сена)⁷, или возможностей для самореализации (как в марксизме)⁸. Принципом может быть принцип равного распределения блага — распределения, которое максимизирует объем блага, достигающегося тем, кто получает меньше всего, или распределения, которое максимизирует общее производство блага. Но все глобальные теории объединяет то, что они выделяют только *одно* благо (или один тип благ) и *один* принцип распределения⁹.

Локальная справедливость, напротив, касается множества различных благ (включая освобождение от бремени), распределяемых в соответствии с множеством различных принципов. Примером служит распределение редких человеческих органов для трансплантации, решение о том, кого призвать на военную службу, и выбор, совершаемый предприятием относительно того, кого из работников придется уволить во время экономического спада. Зачастую глобальные теории не позволяют сделать четких выводов относительно того, кто и что должен получить или что делать в этих ситуациях¹⁰. На самом деле они зачастую просто не предназначены для того, чтобы делать выводы применительно к таким мелким проблемам¹¹. Это обстоятельство сказывается на действительных практиках. Эти невзаимозаменяемые блага не являются частью глобальной перераспределительной системы, а распределяются несоординированным, децентрализованным образом. Хотя институты, их распределяющие, в какой-то степени связаны общенациональными правилами или руководствами, обычно они обладают значительными дискреционными полномочиями. Одни из этих решений имеют решающее значение для жизненных шансов граждан. Другие обладают небольшой или средней важностью. Для всякого индивидуального гражданина их совокуп-

⁷ A. Sen, "Equality of what?," in A. Sen, *Choice, Measurement and Welfare* (Oxford: Blackwell 1979), p. 353–369.

⁸ Общий обзор см.: G.A. Cohen, "The currency of egalitarian justice," *Ethics* 99 (1989), p. 906–944.

⁹ Исключение составляет: M. Walzer, *Spheres of Justice* (New York: Basic Books 1983). На самом деле Уолцер предлагает теорию, которая является отчасти глобальной, а отчасти локальной в том смысле, в каком эти термины используются здесь.

¹⁰ Применение глобальных теорий часто требует больше информации, чем бывает доступно. Например, социальные агенты могут быть незаинтересованы в раскрытии своих предпочтений и производительных возможностей.

¹¹ Например, Джон Ролз прямо говорит, что его два принципа справедливости относятся только к устройству основных институтов в обществе и не предназначены для решения специфических проблем распределения.

ность, безусловно, имеет решающее значение. Их взаимодействие и корреляция с рыночными решениями и глобальными перераспределительными схемами сложны и изменчивы. Институты, которые производят распределение на основе заслуг или достоинств, как правило, усугубляют перекосы рынка, тогда как распределение на основе потребностей производится в соответствии с системой передачи для исправления этих перекосов.

Чтобы проиллюстрировать работу локальной справедливости, я сначала приведу несколько примеров (процедурных) *механизмов* и (индивидуализированных) *критериев*, используемых при распределении редких благ, а затем некоторые выдающиеся примеры самих благ. Более подробное рассмотрение индивидуализированных критериев приводится в разделе III. Далее термин *принцип* используется для обозначения механизмов и критериев, а также любого сочетания тех и других.

Абсолютное равенство

Когда благо можно бесконечно делить без (слишком существенной) потери ценности, оно часто разделяется равно между всеми претендентами или потенциальными получателями. Когда же оно теряет всю ценность вследствие деления, принцип абсолютного равенства диктует, что оно не должно быть предоставлено никому. Последнее предписание часто встречается в иудейской этике¹². Недавний мораторий на трансплантацию почек в Орегоне¹³, как и (хотя и более спорная) политика Массачусетса по отношению к трансплантации печени¹⁴, служит примером таких рассуждений в духе «все или ничего».

Лотереи

Блага, которые не могут быть разделены без потери ценности, часто распределяются путем лотереи, которая предоставляет равные шансы всем, кто претендует на их получение¹⁵.

¹² E. Cahn, *The Moral Decision* (Bloomington: Indiana University Press 1955), p. 61ff; I. Jakobovits, *Jewish Medical Ethics* (New York: Bloch 1975), p. 98; F. Rosner, *Modern Medicine and Jewish Ethics* (New York: Yeshiva University Press 1986).

¹³ «Ссылаясь на федеральные постановления “Медикэйд”, которые требуют равного отношения к пациентам, находящимся в одних и тех же условиях, орегонское подразделение службы взрослых и семьи отмечает, что штат не может ограничить выделение средств на установленное число пациентов, ожидающих трансплантации». (H. Gilbert and E.B. Larson, “Dealing with limited resources: The Oregon decision to curtail funding for organ transplantation,” *The New England Journal of Medicine*, July 21 1988, p. 171).

¹⁴ C.M. Havinghurst and N.M. King, “Liver transplantation in Massachusetts: Public policy making as a morality play,” *Indiana Law Review* 19 (1986), p. 955–987.

¹⁵ Обзор см.: J. Elster, “Taming chance: Randomization in individual and social decisions,” in: J. Elster, *Solomonic Judgements* (Cambridge University Press 1989).

*Очередь и стаж*¹⁶

Часто благо распределяется на основе принципа «первым пришел – первым обслужен». Некоторые очереди требуют, чтобы человек действительно проводил время, стоя в них, тогда как другие предполагают только подачу или отправку заявки по почте. С этим принципом тесно связан принцип стажа, который также придает большое значение затраченному времени.

Статус

Во многих досовременных обществах блага распределялись в соответствии с определенным статусом. К рабам относились иначе, чем к свободным, к знатым иначе, чем к незнатым, к черным иначе, чем к белым, к мужчинам иначе, чем к женщинам, а к детям иначе, чем к взрослым. Современными примерами служат отсутствие призыва женщин на военную службу и отказ в предоставлении некоторых прав несовершеннолетним.

Индивидуальное благосостояние

Очень часто редкие ресурсы распределяются на основе индивидуального благосостояния. В одной из версий этого критерия акцент делается на предельной полезности: благо должно предоставляться тогда, когда оно обеспечивает наибольший *прирост* полезности или благосостояния. Еще одна версия, подчеркивающая важность потребности, а не эффективности, требует от нас предоставления блага людям, которые имеют более низкий *уровень* благосостояния. Я вернусь к этим критериям в разделе IV.

Продуктивность

Зачастую распределение ресурсов следует принципу эффективности или продуктивности. Так, *X* может извлечь большую личную пользу из блага, чем *Y*, тем не менее *Y* может использовать его более продуктивно в смысле внесения большего вклада в достижение целей распределяющего института или общества в целом.

Вклад

Иногда блага распределяются в соответствии с ранее сделанным вкладом. В этом случае, они служат вознаграждением за хорошее поведение. Этот критерий предполагает обращение к прошлому, в отличие от нужды или продуктивности, которые нацелены на будущее. Использование благ как вознаграждений может, тем не менее благотворно сказываться на продуктивности.

¹⁶ Конкретные исследования и некоторые общие наблюдения см.: B. Schwartz, *Queuing and Waiting: Studies in the Social Organization of Access and Delay* (University of Chicago Press 1976).

Социальная значимость

Когда этот критерий используется при распределении редких медицинских ресурсов, он истолковывается и как обращенный к прошлому вкладу в общество, и как нацеленный на продуктивность в будущем.

Эффективный спрос

Этот принцип используется рынком. Когда для создания рынка требуется прямое институциональное решение, использование этого принципа также можно считать формой локальной справедливости. Иллюстрацией этой идеи служит предложение создать рынок в правах на производство потомства.

Смешанные принципы

Помимо этих «чистых» механизмов и критериев, используются также различные сочетания. Иногда проводятся лотереи с неравными шансами, определяемыми в соответствии с индивидуализированными критериями. В качестве примера, можно привести земельную лотерею 1832 года в Джорджии, когда сироты, ветераны Войны за независимость и главы семей получили вдвое больше шансов, или голландскую систему приема в медицинскую школу, которая принимает кандидатов с вероятностью, которая зависит от их оценок. Для распределения данного редкого блага можно использовать сначала критерий нужды или продуктивности для определения количества тех, кто имеет право на его получение, а затем использовать очереди или лотереи как вторичный критерий для выбора из претендентов. Или можно использовать балльную систему, чтобы индивиды ранжировались по совокупным показателям, которые учитывают продуктивность, нуждаемость, вклад, стаж и опыт. Балльная система, используемая при распределении почек для трансплантации, более подробно будет описана ниже.

Далее приводится перечень локальных проблем распределения.

Распределение редких медицинских ресурсов

К естественно или искусственно редким медицинским ресурсам относятся: органы для трансплантации, дорогостоящие лекарства, принятие в отделение интенсивной терапии и рабочая сила врачей или медсестер. Распределение производится в соответствии с такими критериями, как медицинская эффективность, медицинская нуждаемость, очередность, лотереи, социальная значимость или эффективный спрос¹⁷.

¹⁷ Неплохие общие соображения на этот счет см.: G. Winslow, *Triage and Justice* (Berkeley: University of California Press 1982); D. Note, "Scarce medical resources," *Columbia Law Review* 69 (1969), p. 620–692.

*Распределение мест
в детских садах и домах престарелых*

Часто люди стремятся обеспечить институциональный уход за своими детьми или своими пожилыми родителями. Когда места в таких институтах являются редкими, необходимы критерии распределения. Здесь часто используются критерии очередности, нуждаемости и эффективного спроса.

Распределение военной службы

Зачастую нецелесообразно иметь всеобщую и обязательную воинскую повинность. К критериям для выбора части соответствующих возрастных групп относятся альтернативные затраты, умственная и физическая пригодность, лотереи, способность приобрести замену или некое сочетание этих критериев¹⁸. С этим также связана проблема демобилизации: кому следует позволить покинуть армию первым? В американской армии во время Второй мировой войны она решалась при помощи сложной балльной системы, которая учитывала вклад и нуждаемость¹⁹.

*Прием в колледжи
и профессиональные учебные заведения*

Существует великое множество принципов приема, которые используются различными учебными заведениями в различных странах: эффективный спрос, негативная или позитивная расовая или половая дискриминация, спортивные способности, научные способности, документально подтвержденный опыт или один или более из этих принципов в сочетании с процедурным принципом, вроде очередности или лотереи. Широко используется балльная система.

Распределение воды, энергии и схожих ресурсов

Когда вода, электричество или бензин (для потребления или производства) являются редкими ресурсами, для распределения их используется несколько механизмов: очередность, распределение в соответствии с нуждаемостью, распределение в соответствии с продуктивностью и проведение аукционов²⁰.

¹⁸ Полезные замечания см.: F. Choisel, "Du triage au sort au service universel," *Revue Historique des Armees* 37(1981); A. Blum, "Soldier or worker: A reevaluation of the selective service system," *The Midwest Quarterly* 13 (1972), p. 147–167; N. de Bohigas, "Some opinions on exemption from military service in nineteenth-century Europe," *Comparative Studies in Society and History* 10 (1968), p. 261–288.

¹⁹ S. Stouffer et al., *The American Soldier* (Princeton University Press 1949), vol. II, ch. II.

²⁰ См.: A. Olmstead and P. Rhode, "Rationing without government: The West Coast gas famine of 1920," *American Economic Review* 75 (1985), p. 1044–1055; E.J. Zajac, "Perceived economic justice: The example of public utility regulation," in H.P. Young (ed.), *Cost Allocation* (Amsterdam: Elsevier 1985), p. 119–153.

*Распределение общественного жилья*²¹

Муниципалитеты распределяют общественное жилье по степени нуждаемости, которая определяется доходом и нынешними жилищными условиями, часто в сочетании с очередностью и лотереями.

Распределение рабочих мест

Большинство предприятий и государственных органов проводит политику привилегированного найма и (особенно) увольнения. Здесь часто используются критерии пола, расы, возраста, стажа, нуждаемости (например, наличия иждивенцев) и продуктивности²².

Распределение детей

В делах о разводе и усыновлении детей суды и органы социального обеспечения используют различные критерии (интересы ребенка, потребности и права родителей, потребности общества) при определении того, останется ребенок с матерью или отцом или с биологическими родителями или приемной семьей²³.

Распределение прав на производство потомства

Некоторые общества, используя негативные и позитивные стимулы, считают необходимым ограничивать число детей, которое может иметь семья. В Китае право заводить двух детей получают только те, кто не имеет братьев или сестер.

Распределение задач в домохозяйстве

Взрослые члены домохозяйства должны распределять задачи между собой. При этом они могут использовать критерий равного времени, затрачиваемого на выполнение работ по хозяйству. Они также могут учитывать различия между более и менее приятными задачами, различную эффективность в их выполнении и рабочую нагрузку за пределами домохозяйства.

К другим примерам относятся распределение лицензий на вещание, распределение земель для поселенцев, распределение дополнительных образовательных ресурсов для наименее или для наиболее одаренных детей, распределение помощи при стихийных бедствиях («сначала женщины, дети и врачи»), распределение мест для захоронения ядерных отходов, распределение пространства (например, парковочного или офисного), распределение времени (например, более продолжитель-

²¹ См.: J.R. Prescott, *Economic Aspects of Public Housing* (Beverly Hills: Sage 1974); J.S. Fuerst (ed.), *Public Housing in Europe and America* (New York: Wiley 1974).

²² См., напр.: E. Yemin (ed.), *Workforce Reductions in Undertakings* (Geneva International Labour Office 1982).

²³ Обзор см.: J. Elster, "Solomonic judgements," *University of Chicago Law Review* 54 (1987), p. 1-45.

ные отпуска для старых работников или более короткий рабочий день для родителей маленьких детей), распределение талонов на продукты питания, распределение средств транспорта (автобусы или железная дорога) и избирательные аборт на основе пола при многоплодной беременности²⁴.

III. Межличностные сравнения

При выборе институтом механизма или критерия для распределения редкого блага, имеющегося у него в распоряжении, обычно достигается компромисс между идеальными и практическими соображениями.

С одной стороны, лица, принимающие решения, обычно могут формулировать принцип *локальной справедливости*, который они считают наиболее подходящим, уместным, эффективным или честным, принимая во внимание природу блага и задачу института. При отборе солдат на военную службу физическая пригодность кажется вполне уместной. При принятии студентов в университет естественным критерием представляются способности к учебе. При распределении медицинских благ решающее значение имеет потребность в медицинской помощи. (Но некоторые могут сказать, что медицинская эффективность более уместна. Эта проблема более подробно рассматривается в разделе IV). Отбирая работников, которых предстоит уволить, руководство в идеале стремится сохранить наиболее продуктивных. Выбор родителя, с которым останется ребенок, должен определяться интересами ребенка.

Иными словами, выбор институтом распределительного принципа определяется множеством практических соображений, которые неизбежно оказываются компромиссными.

1. Иногда центральное правительство заставляет администраторов отходить от этих локальных критериев, навязывая *глобальные соображения*. Так, лица, находящиеся при исполнении служебных обязанностей, иногда могут обслуживаться в медицинских учреждениях вне очереди, как в случае с солдатами с легкими ранениями, которые вполне могут продолжать сражаться и дальше. Еще одним примером служит позитивная половая и расовая дискриминация.

2. Часто институты учитывают *стимулирующее воздействие* критериев. (а) Они могут хотеть избегать критериев, которые создают негативные стимулы. В качестве примера можно привести стимул к членовредительству, создаваемый при отборе на военную службу по физической годности или стимул к бесполезной занятости, создаваемый системами, которые учитывают трудовой опыт при принятии студентов в медицинскую школу. (б) Институты могут хотеть использовать критерии, которые создают позитивные стимулы. К примерам относятся уволь-

²⁴ О последней проблеме см.: *New York Times*, January 25 1988: «Наличие нескольких плодов поднимает новые проблемы, связанные с абортами».

нение в зависимости от стажа на предприятиях (см. пункт 6) и принятие в университет по оценкам. Интересно, что схемы позитивных стимулов слабо используются в секторе здравоохранения. Например, некурящим не отдается приоритет при проведении операций на сердце, а использовавшим ремни безопасности – при реабилитации после автомобильных аварий. Но тот факт, что во многих странах люди должны сами оплачивать лечение своих зубов, может быть связан со схемой стимулов.

3. Иногда институты учитывают *издержки принятия решений*, предпочитая менее затратные методы более затратным, даже когда последние лучше отвечают критериям локальной справедливости. Настроенные дискреционные критерии часто требуют больших временных затрат и обходятся дорого; поэтому предпочтительными могут оказаться механические критерии, вроде очередности, лотерей или стажа (среди тех, кто удовлетворяет некоему минимальному критерию). Однако использование механических критериев может требовать больших издержек, если большее число людей приобретает право на получение блага.

4. Иногда институты испытывают опасения насчет возможных *жалоб* и – особенно в Соединенных Штатах – *тяжб*. Это подталкивает к тому же, что и предыдущее соображение – к отходу от дискреционных критериев в пользу механических, автоматических принципов.

5. Иногда институт учитывает возможный *эффект “Уловки-22”*²⁵, который удерживает индивидов, наилучшим образом соответствующих критериям, от получения редких благ. Критерии, основанные на нуждаемости, требуют, чтобы наиболее нуждающиеся – обычно наименее удачливые индивиды – сами ориентировались в джунглях правил и форм. В результате, те, кто заслуживает блага, чаще всего не получают его. Альтернатива – использование простого, механического критерия распределения – создает противоположную проблему того, что некоторые из тех, кто не заслуживает блага, тем не менее, получают его.

6. Иногда институты выбирают критерии путем *сделки и торга* с потенциальными получателями редких благ. Учет стажа при увольнении – результат торга между профсоюзами и предприятиями. Ассоциации па-

²⁵ «Уловка-22» – парадокс, согласно которому человек превращается в жертву независимо от того, какой выбор он сделает в том или ином случае. Термин приобрел большую популярность после публикации Джозефом Хеллером одноименного антивоенного романа-памфлета, посвященного судьбе военного летчика капитана Иосарьяна. Главный герой книги служит в бомбардировочном полке ВВС США во время Второй мировой войны. Иосарьян стремится к тому, чтобы его комиссовали по медицинским показаниям. Однако, что бы он ни предпринял, добиться желаемой цели у него не получается. Пример – сумасшествие. Вряд ли абсолютно здоровый человек захочет совершать опасные для жизни боевые вылеты. Но уловка-22 в том и заключается, что комиссовать сумасшедшего можно только по его личному заявлению, а заявление с целью избежать боевых вылетов есть бесспорный признак здравого ума (*Прим. ред.*).

циентов вполне могут играть схожую роль в распределении медицинских благ.

7. Иногда на выбор критерия может влиять желание *направить больше ресурсов* к институту. Так, утверждается, что при выборе принципов распределения органов для трансплантации необходимо учитывать их влияние на готовность стать донором органов. Если, к примеру, не будет никакой разницы в отношении к иностранцам и к гражданам, готовность жертвовать органы может упасть²⁶. Если из соображений медицинской эффективности местным центрам трансплантации придется делиться своими органами с другими институтами, их стимулы для получения органов могут снизиться²⁷.

8. Иногда институты сталкиваются с ограничениями или влиянием со стороны *общественного мнения*. Так, использование взвешенных лотерей при принятии студентов в медицинские школы в Голландии считается компромиссом между меритократическими предпочтениями института и крайне эгалитарным общественным мнением. Согласно Токвилю, это ограничение также объясняет институт обязательной военной службы в демократических обществах.

Можно провести различие между критериями, которые ориентированы в основном на прошлое (вплоть до настоящего и включая его), — критериями, которые ориентированы в основном на будущее, и критериями, которые ориентированы и на то, и на другое. Критерии, ориентированные на прошлое, проще применять, чем критерии, ориентированные на будущее, которые обычно требуют элемента дискреционного суждения. Вопреки этому, сущностные критерии честности и эффективности могут отдавать предпочтение принципам, ориентированным на будущее.

Ориентированные на прошлое сравнения играли важную роль при демобилизации американской армии во время Второй мировой войны²⁸. Схема и метод ее проведения представляют значительный интерес. Предложение сохранить сражающиеся войска и демобилизовать вспомогательные части и неподготовленных солдат было отвергнуто в пользу индивидуализированной, ориентированной на прошлое системы. При проведении в жизнь этой идеи армия рассмотрела, а затем отвергла систему «первым вошел, первым ушел», отдав предпочтение схеме, которая учитывала несколько факторов. Наконец, была избрана балльная система, в которой 1 балл начислялся за каждый месяц, проведенный в армии, 1 балл — за месяц службы за рубежом, 5 баллов за полу-

²⁶ J.F. Childress, "Some moral connections between organ procurement and organ distribution," *Journal of Contemporary Health Law and Policy* 3 (1987), p. 85–110.

²⁷ P.S. Russell, "Organ allocation: how can we assure equitable distribution?" *Transplantation Proceedings* 20 (1988), p. 1028–1032.

²⁸ См.: Stouffer et al., loc. cit.

ченную награду и 12 баллов за каждого имеющегося ребенка (до трех детей) в возрасте до 18 лет. За исключением последней все это переменные, ориентированные на прошлое²⁹.

Чтобы определить переменные и их вес, армия провела масштабный опрос среди военнослужащих. В одном из опросов критерии противопоставлялись друг другу в парных сравнениях. В другом опросе респондентов просили назвать категорию солдат, которые должны быть уволены первыми, и категорию солдат, которые должны быть уволены последними. В третьем опросе им дали краткие описания трех солдат и спросили, кто из них должен быть уволен первым. Индивидуальные оценки обнаружили высокую степень последовательности, но также явную озабоченность собственными интересами³⁰. Они также позволили увидеть определенную коллективную непоследовательность³¹, но не такую значительную, чтобы сделать их бесполезными для создания балльной системы, достаточно честно отражающей предпочтения респондентов. Система в целом была признана честной, и количество поступивших жалоб было незначительным.

Ориентированные на будущее сравнения могут определяться в терминах индивидуального или социального благосостояния. С одной стороны, можно задать вопрос, кто больше заслуживает редкого блага — личность X или личность Y. С другой стороны, можно задать вопрос, получит ли общество в целом больше от предоставления редкого блага X или Y. Вопрос об индивидуальном благосостоянии будет рассмотрен мной в следующем разделе, а пока сделаем несколько замечаний относительно социальной продуктивности.

²⁹ В этом контексте количество детей было приближено к ориентированному на будущее принципу социальной ценности. В других контекстах возможно вознаграждение людей за наличие многих детей, как во Франции при системе "familles nombreuses". Это смешанная система, ориентированная на будущее и прошлое.

³⁰ Например, среди тех, кто сказал, что женатые мужчины с детьми должны быть демобилизованы первыми, 60% составляли женатые мужчины с детьми, 37% женатые мужчины без детей и 24% холостые мужчины. Рассмотрение эгоистических искажений в таких контекстах см.: D.M. Messick and K. Sentis, "Fairness, preference, and fairness biases," in D.M. Messick and K. Cook (eds.), *Equity Theory* (New York: Praeger 1983), p. 61–94.

³¹ Так, 55% считали, что холостой мужчина, участвовавший в двух кампаниях, должен быть демобилизован раньше, чем женатый мужчина с двумя детьми, который ни разу не был в бою; 52% считали 18 месяцев, проведенных за рубежом, более важными, чем наличие двух детей; и 60% считали участие в двух кампаниях более важным, чем 18 месяцев, проведенных за рубежом. По поводу этого Стоффер с коллегами замечали, что «в таких сложных гипотетических выборах вряд ли можно ожидать высокой степени внутренней последовательности»; это, как они полагали, свидетельствовало о том, что проблема заключалась в индивидуальной непоследовательности. Если бы они были знакомы с «теоремой невозможности» Эрроу, которая была сформулирована несколько лет спустя, они могли бы предпочесть интерпретацию с точки зрения коллективной непоследовательности.

Рассмотрим для начала медицинские решения. Некоторые авторы открыто говорят о том, что (ориентированная на будущее) социальная ценность должна быть одним из нескольких критериев³² или даже основным критерием³³ в распределении редких ресурсов, позволяющих спасти жизнь. Этот принцип также используется на практике либо как правило исключения³⁴, либо как правило окончательного отбора³⁵. Если утверждение, что блестящий пианист превосходит по важности неквалифицированного рабочего, кажется неприемлемым элитизмом, нам следует помнить, что оно также отдаст предпочтение получателям со многими иждивенцами перед теми, у кого нет ни одного. При такой интерпретации принцип не обязательно должен покоиться на утилитарной основе. Мы можем быть абсолютно уверены, что смерть бездетного гения будет большей потерей для общества, чем смерть неквалифицированного рабочего с множеством маленьких детей, и тем не менее отдавать предпочтение последнему. И кто-то может посчитать, что избегание нескольких крупных потерь важнее избегания множества мелких, даже если общая сумма – предположим, что она может быть измерена – в последнем случае больше.

Рассмотрим также отбор на военную службу. Здесь понятие продуктивности оказывается двусмысленным. Оно может означать полезность для военного долга или социальную полезность вообще. В первом случае критерий не может быть оправдан на утилитарной основе. В последнем, утилитарном смысле, критерий продуктивности широко использовался в XIX веке для оправдания освобождения от военной службы или возможности приобретения замены для привилегированных групп на основании того, что их ценность для общества настолько высока, что они не должны тратить свое время в армии³⁶. Даже если принять, что они лучшие солдаты, чем другие, их сравнительное преимущество состоит в чем-то другом. И вновь освобождение из-за наличия иждивенцев в семье представляется более приемлемой версией этого аргумента.

Наконец, существует смешанная категория сравнений, которые отражают соображения, ориентированные как на прошлое, так и на будущее³⁷. Во всякий данный момент времени ресурсы распределяются

³² N. Rescher, "The allocation of exotic lifesaving therapy," *Ethics* 79 (1969), p. 173–186.

³³ L. Shatin, "Medical care and social worth of a man," *American Journal of Orthopsychiatry* 36 (1966), p. 96–101.

³⁴ "Scarce medical resources," p. 655.

³⁵ *Ibid.*, p. 657ff.

³⁶ De Bohigas, "Some opinions on exemption from military service".

³⁷ Системы также могут быть смешанными в различном смысле. Схема демобилизации была смешанной, потому что баллы в ней давались как по соображениям, ориентированным на прошлое (время, проведенное в армии, боевые заслуги), так и по соображениям, ориентированным на будущее (количество иждивенцев).

в соответствии с поведением в прошлом. Но создание этой ориентированной на прошлое системы оправдывается аргументом от стимулов, ориентированным на будущее. Представляя схематично, во время t_1 становится известно, что во время t_3 вознаграждение будет распределяться в соответствии с поведением во время t_2 . Схема демобилизации была системой, ориентированной исключительно на прошлое, потому что о ней даже не думали в то время, когда она могла оказать неплохое стимулирующее воздействие. Солдаты могли бы сражаться отважнее, если бы они знали, что боевой опыт позволит им скорее покинуть армию, но они об этом не знали. Достоинством этой схемы была честность, а не эффективность.

Но ориентированные исключительно на прошлое системы легко становятся смешанными, если они действуют в течение длительного времени. Религиозные учения, которые обещают спасение взамен на благие поступки, обычно поясняют, что никакого вознаграждения в будущем не последует, если не будет предпринято усилий, направленных на спасение³⁸. На практике предупреждение редко принимается во внимание³⁹. Напротив, смешанные системы могут начать восприниматься как ориентированные исключительно на прошлое, основанные на *наделении правом*, а не на *стимулах*. Правило «было ничье — стало мое», которое лежит в основе смешанной интерпретации, часто и более размыто преподносится как принцип, основанный на праве. Принцип увольнения в зависимости от стажа (который будет рассмотрен позднее) точно также двусмыслен.

Доступ к институтам высшего образования регулируется смешанной системой. Как правило, студентов зачисляют, не исходя из их будущего потенциала или на основе их заслуженного поведения (исключение составляет особое отношение к ветеранам), а исходя из оценок и результатов тестирования. Поскольку известно, что институты принимают студентов по этим критериям, создаются стимулы для прилежной учебы в старших классах и зубрежки перед тестами. Эффект оказывается общественно полезным, потому что это заставляет людей приобретать больше общественно полезных знаний, чем они могли бы приобрести в иных обстоятельствах⁴⁰.

Далее в тексте под смешанной системой я буду иметь в виду ориентированную на прошлое систему, созданную по соображениям, нацеленным на будущее.

³⁸ Иными словами, спасение представляет собой «побочный по своей сути продукт» в том смысле, в каком это понятие использовалось в: J. Elster, *Sour Grapes* (Cambridge University Press 1983).

³⁹ Схожее вырождение вознаграждения в соответствии с идеологическими заслугами описано в: A. Walder, *Communist Neo-Traditionalism* (Berkeley: University of California Press 1986).

⁴⁰ Я полагаю, что образование продуктивно, а не просто служит сигнальным средством (последнюю идею см.: M. Spence, *Market Signaling* (Cambridge, MA: Harvard University Press 1974)).

Таково, по крайней мере, стандартное объяснение, и оно, вероятно, во многом справедливо. Но исследование политики приема студентов в Гарвард, проведенное председателем приемной комиссии Школы управления им. Кеннеди, показывает, что дело обстоит несколько сложнее⁴¹. Помимо самой Школы им. Кеннеди, он изучил политику приема в Гарвардский колледж, аспирантуру по гуманитарным и естественным наукам и профессиональные школы. Ниже приведены некоторые наиболее интересные открытия.

Школа им. Кеннеди стремилась отобрать будущих лидеров для государственного сектора. Она принимала решения, исходя из характера и личности студента, так что «некоторые очень умные студенты отвергались из-за того, что их эссе или рекомендации свидетельствовали о слабой мотивации, эгоцентризме или незрелости». В Гарвардском колледже также наблюдался отход от научных заслуг, оправдываемый различными (причем весьма любопытными) аргументами. Один из них состоит в том, что «лучшие ученики старших классов зачастую на самом деле становились довольно скучными и безликими или чужаковатыми студентами». Другой аргумент состоит в том, что «наиболее способные студенты могут не захотеть поступать в колледж, который производит отбор по чисто академическим критериям». Еще один аргумент вытекает из «поиска счастливой нижней четверти» и формулируется следующим образом. «25% поступающих студентов неизбежно будут наименее успевающими в группе. Если раньше они делали большие успехи в учебе, то их постигнет разочарование — возможно, они даже будут сломлены этим. Поэтому намеренное принятие менее способных студентов для “нижней четверти”, сильных в спорте, общественной жизни или искусстве, без особой заботы об их академической успеваемости, делает образовательный опыт всех более счастливым». Некоторые из этих аргументов, вероятно, служат рационализацией для принятия детей бывших выпускников.

Критерием, ориентированным на прошлое, но также имеющим последствия и для будущего, является *стаж*, который используется при отборе работников для продвижения или увольнения, а также для распределения множества других связанных с работой выгод. Большой стаж сокращает текучесть кадров, а низкая текучесть позволяет достичь большей производительности⁴². С другой стороны, в сохранении стажа обычно заинтересованы профсоюзы⁴³, а профсоюзы сокращают прибыль⁴⁴. Руководство предприятий, на которых отсут-

⁴¹ R. Klitgaard, *Choosing Elites* (New York: Basic Books 1985).

⁴² R. Freeman and J. Medoff, *What do Unions do?* (New York: Basic Books 1984), p. 107, 174.

⁴³ «В секторе, не имеющем профсоюзов, руководство часто учитывает старшинство, но при желании может пренебречь им» (Ibid., p. 123).

⁴⁴ Ibid., ch. II.

ствуют профсоюзы, может хотеть использовать стаж из-за хорошего стимулирующего эффекта, но без профсоюза, с которым заключается соглашения, им может не удастся добиться этого результата. Руководство предприятий, на которых имеются профсоюзы, может хотеть не иметь профсоюза, но, учитывая, что он существует, они могут предпочесть правила стажа системе, которая предоставляет ему дискреционные полномочия. Поэтому в общем и целом, какими бы средствами ни поддерживался стаж, в интересах работников и руководства его иметь. Хотя этот принцип часто воспринимается работниками как вытекающий из права, созданного временем и обычаем⁴⁵, руководство может жестко бороться против него, так что это не лучшим образом скажется на производительности.

Принцип стажа может показаться необычайно простым и механическим. Беглое рассмотрение коллективных договоров, которые устанавливают, каким образом должен истолковываться и проводиться в жизнь стаж, развеивает такое впечатление⁴⁶. Значение и охват уточняющих критериев возрастает, когда в качестве даты найма на работу указывается месяц, а не день. Необходимо четкое указание организации — компании, завода или департамента, — в которой возникает вопрос о стаже. Стаж может включать, а может и не включать испытательный срок или период временного увольнения. В отличие от возраста, стажем можно не воспользоваться — например, работник может отказаться пойти на повышение. Иногда стаж определяет порядок, в котором должно происходить временное увольнение работников, но не порядок, в котором должно происходить их возвращение к работе. Как и в случае с планами демобилизации, этот принцип не применяется к «незаменимым» работникам.

Эти примеры показывают, как локальная справедливость действует на практике. Общее впечатление заключается в том, что это непростое занятие. Обычно институт признает, что для принятия решения о распределении индивид должен обладать более чем одной чертой. Иногда, как в случае с планами демобилизации, весомость различных черт четко оговаривается. Но чаще решение о весомости остается предметом дискреционного решения администраторов. Нередко существует определенный разрыв между официальными принципами и действительной практикой. Иногда для примирения практики и принципа приводятся вымученные объяснения, как в случае с системой принятия в Гарвард. Чаще принципы просто втайне нарушаются. Согласие по поводу принципа часто достигается за счет определенной размытости в его толковании и проведении в жизнь.

⁴⁵ О процессе, посредством которого случайно созданный *status quo* превращается в право собственности, см.: Zajac, "Perceived economic justice."

⁴⁶ См.: "Layoff, recall and worksharing procedures", "Administration of seniority." Bulletins 1425-13, 1425-14, U.S. Department of Labour 1972.

IV. Межличностные сравнения благосостояния

Благосостояние потенциальных получателей часто играет важную роль в процессе распределения, либо, определяя круг тех, кто имеет право на получение блага, либо определяя критерии окончательного отбора. Распределяющий институт может быть вынужден производить сравнения между единицами или сравнения между уровнями благосостояния различных индивидов. Предположим, что имеются два индивида *X* и *Y*, которые могут получить пользу от одной единицы редкого блага. Мы можем (1) дать единицу *X*, если первоначальный *уровень* благосостояния у *X* ниже уровня у *Y*, или (2) дать единицу *X*, если *приращение* в благосостоянии, которое оно обеспечит у *X*, выше приращения, которое оно обеспечит у *Y*. И тот, и другой случай отвечают известным идеям о справедливости: мы должны компенсировать худшим или распределять ресурсы в пользу тех, кто извлечет из них наибольшую пользу.

Исходный уровень и приращение по отношению к исходному уровню следует четко отличать от выходного уровня как критерия, то есть предоставления единицы редкого блага *X*, если оно обеспечит ему более высокий уровень благосостояния, чем тот, которого достиг бы *Y*, если бы он получил это благо. В одной обзорной статье о редких медицинских ресурсах написано, что «почти общепризнанный стандарт для отбора заключается в том, что пациент, шансы которого на выживание вырастут больше всего благодаря ресурсу, и есть тот пациент, которому должно быть отдано предпочтение перед другими». В примечании авторы отмечают этот эффект, опираясь на интервью с врачами, которые показывают, что «переход от “самого критического” к “самому спасительному” стандарту в распределении мест в реанимации может иметь драматический эффект. При старом стандарте в отделении интенсивной терапии больницы округа Лос-Анджелес и университета Южной Калифорнии смертность составляла 80%. После перехода к новому стандарту показатель смертности сократился на 20%... Соответствующие цифры для хирургического отделения интенсивной терапии больницы им. Джексона составляли 25–30% при принятии критических случаев и 4–5% при принятии спасаемых случаев»⁴⁷. Но эти цифры показывают результат, а не прирост. Очевидно, что показатели смертности всегда можно сократить, сосредоточившись на менее острых случаях, но использование этого в качестве критерия приема больных свидетельствовало бы о несостоятельности медицинского лечения⁴⁸.

⁴⁷ “Scarce medical resources,” p. 655, n. 188.

⁴⁸ Негосударственные (коммерческие) больницы иногда берутся за легкие случаи, оставляя трудные случаи государственному сектору. Также имеются свидетельства того, что «на оказание психологической и психиатрической помощи попусту тратятся огромные средства — что многим неплохо платят за обсуждение личных проблем людей с заурядными эмоциональными проблемами» (D.J. Knesper, D.J. Pagnucco, and J.R.C. Wheeler, “Similarities and differences across mental health services

Во многих случаях не имеет значения, выбираем мы критерий уровня или критерий приращения. Когда X и Y достаточно схожи, а потребление редкого блага приводит к сокращению предельной полезности, тогда человек с более низким уровнем всегда извлечет больший прирост, чем человек с более высоким уровнем. Это соответствует отношению между индивидами II и III на Графике 1. Здесь каждая вертикальная линия обозначает человека. Линия начинается с уровня благосостояния личности до распределения редкого блага и заканчивается уровнем, которого она может достичь в случае, если она получит единицу этого блага.

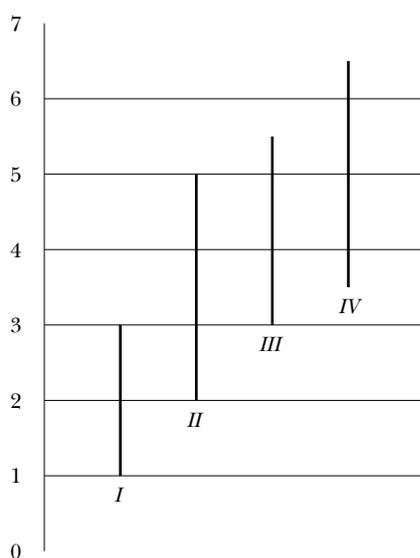

График 1.

Критерии различаются в двух случаях. Во-первых, благо может создать *прирастающую* предельную полезность. Человек, который уже имеет четыре единицы блага, может получить больше пользы от еще одной, чем человек, который имеет три единицы, даже если принять, что оба этих человека имеют одну квалификацию и предпочтения. Это соответствует отношению между III и IV на Графике 1. Первоначально этот аргумент был выдвинут Лейбницем применительно ко всем благам⁴⁹. Позднее он ограничил его «полезными» благами, в отличие от

providers and practice settings in the United States,” *American Psychologist* 40 (1985), p. 1367. Более веским основанием для предпочтения легких случаев служит война, когда основной задачей является возвращение солдат в строй, а не их лечение (Winslow, *Triage and Justice*, ch. 1).

⁴⁹ G. Leibniz, *Philosophische Schriften*, ed. Gerhardt, vol. 1, p. 74.

«необходимых»⁵⁰. В отношении некоторых благ этот аргумент не так уж абсурден. Если X и Y ни чем не отличаются друг от друга, за исключением того, что X обладает большим уровнем образования и, следовательно, благосостояния, чем Y , то X может извлечь больше пользы из дополнительной единицы образования, потому что он обладает большей информацией, с которой может сочетаться новая информация. Может, в несистематическом обучении и нет никакой опасности, но в нем точно мало толка. Но в общем и целом представление о сокращении предельной полезности более правдоподобно и в большинстве случаев более чем обоснованно⁵¹.

Другой случай, в котором два критерия диктуют различные решения, более интересен. Некоторые люди могут быть менее эффективны в превращении благ в благосостояние. Это соответствует отношению между I и II на Графике 1. Мы можем предположить, что I имеет недостаток, который приводит к тому, что он имеет более низкий уровень благосостояния — например, потому что он меньше зарабатывает — и извлекает меньше благосостояния из дополнительной единицы блага. В таких случаях те, кто принимает решение о распределении, сталкиваются с дилеммой. В пользу кого школы, к примеру, должны распределять дополнительные ресурсы, создавая меньшие по численности классы или покупая дополнительное оборудование, — в пользу наименее одаренных или наиболее одаренных детей? Должны ли органы, заботящиеся об умственно отсталых, отдавать приоритет тем, кто настолько отстал, что даже не может наслаждаться жизнью, или тем, кто может извлечь значительную пользу из оказываемой помощи? Должны ли органы, занимающиеся реабилитацией заключенных, отдавать приоритет тем, у кого выше риск рецидива, или же тем, у кого такой риск меньше? Если судьбе разрешено учитывать при вынесении приговора обстоятельства, в которых находились люди, должен ли он ориентироваться на текущий уровень благосостояния или же на сокращение благосостояния в случае сурового приговора? Должен ли он сказать, что «этот человек и так уже достаточно пострадал» или «этот человек пострадает слишком сильно, если посадить его в тюрьму»?

Во многих случаях мы не сравниваем благосостояние людей непосредственно. Скорее, мы сравниваем наблюдаемые возможности для получения блага. Директор школы следит за уровнем и ростом знаний, а не благосостояния. Комиссия по досрочному освобождению рассматривает риск рецидива, а не благосостояние. Конечно, мы обычно считаем, что благосостояние коррелирует со знаниями и рецидивизмом. И предположительно эта корреляция служит главной причиной заботы

⁵⁰ G. Mollat, *Mittheilungen aus Leibnizens ungedruckten Schriften* (Leipzig 1893), p. 85.

⁵¹ Идея, что *необходимые* блага обладают растущей предельной полезностью, высказывается в: С. Karellis, "Distributive justice and the public good," *Economic and Philosophy* 2 (1986), p. 101–126.

о таких вещах, как знания и рецидивизм. Но это не единственная причина. Когда одни приобретают больше знаний или воздерживаются от преступления, другие извлекают пользу иначе, и они могут делать это, несмотря на нехватку благосостояния⁵². Но я не стану рассматривать эту сложность, поскольку для моего основного примера она не имеет большого значения. Это распределение редких спасающих жизнь медицинских ресурсов — таких, как доступ к диализу и органам для трансплантации. Результат лечения оценивается исключительно по степени воздействия на данную личность, а не по воздействию на других людей.

В отношении этих спасающих жизнь ресурсов различие между уровнем и приращением принимает две основные формы. С одной стороны, благосостояние может оцениваться по количеству лет жизни⁵³. Критерий уровня принимает простую форму возраста, говоря о том, что более молодым пациентам должен отдаваться приоритет перед более старыми. Критерий приращения принимает форму дополнительной продолжительности жизни, говоря о том, что редкое благо должно направляться туда, где оно создаст больше дополнительных лет жизни. С другой стороны, благосостояние может оцениваться по вероятности устранения специфической медицинской проблемы, которая требует вмешательства, независимо от жизненных шансов в целом. Критерий уровня требует от нас, чтобы мы давали ресурсы человеку, шансы которого на спонтанную ремиссию наименее вероятны, то есть человеку, находящемуся в наиболее критическом состоянии. Критерий приращения требует от нас, чтобы мы давали ресурсы человеку, для которого шансы на устранение соответствующего состояния в случае вмешательства наиболее вероятны.

Я рассмотрю в основном вторую интерпретацию, в которой противоречие между критериями уровня и приращения кажется наиболее очевидным. Предоставление органа молодому человеку обычно создает больше дополнительных лет жизни, чем предоставление его старику,

⁵² Некоторые ученые становятся более несчастными, становясь более осведомленными. Поскольку они знают больше о данном предмете, они также могут знать больше о степени своего невежества, и потому считают себя недостойными мошенниками. (Когда круг света расширяется, то же происходит с окружающей областью тьмы). Но другие люди все еще могут получать пользу от своей работы.

⁵³ Я не стану рассматривать вопрос о «качественных» годах жизни, за исключением следующих замечаний. Качество в этом контексте должно означать *не* субъективный уровень благосостояния. Предположим, что мы создали идеальный гедонометр, позволяющий производить точные измерения и сравнения кардинальных уровней благосостояния людей. Никто — я уверен — не предложит распределять органы для трансплантации в пользу жизнерадостных людей вместо людей с мрачным темпераментом. Единственный верный критерий качества жизни вытекает здесь напрямую из самого медицинского состояния — такого, как боль и способность к функционированию. Кроме того, я не считаю, что можно выстроить отношения приобретений и потерь между количеством и качеством или — в том, что касается качества, — между болью и функционированием.

так что эти два критерия указывают в одном направлении. Возможны исключения, которые могут потребовать совершения трудного выбора, но не существует систематической тенденции к расхождению этих двух критериев. Но я полагаю, что существует систематическая тенденция к расхождению критериев уровня и приращения при второй интерпретации⁵⁴. В медицинских очередях пациенты делятся на три категории⁵⁵. С одной стороны, одни пациенты слишком больны, чтобы лечение оказалось для них полезным: они в любом случае умрут. С другой стороны, некоторые пациенты не нуждаются в лечении: они выздоровеют сами и без него. Промежуточное положение занимают пациенты, которые могут получить значительную пользу от лечения и которых следует лечить в первую очередь. Отношение между тяжестью заболевания и эффективностью лечения можно представить следующим образом (График 2):

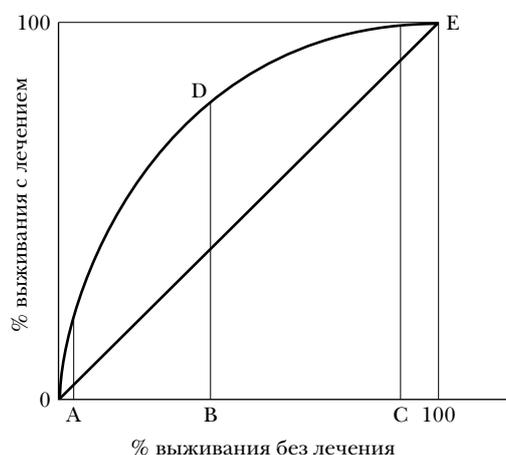

График 2

Критерий приращения требует, чтобы мы сосредоточились на пациентах около *B*. Критерий уровня требует, чтобы мы предпочли пациентов вокруг *A*. Критерий максимизации результата, о котором говорилось ранее, сосредоточен на пациентах рядом с *C*.⁵⁶ Я полагаю, что это

⁵⁴ Поэтому утверждение, что «иногда существует противоречие между остротой потребности и вероятностью успеха» (J.F. Childress, “Some moral connections between organ procurement and organ distribution,” p. 99), слишком слабо.

⁵⁵ Winslow, *Triage and Justice*, p. 1.

⁵⁶ Я исхожу здесь из того, что лечение никогда не бывает вредным. Иногда эта посылка оказывается ложной. Например, «отбор пациентов, которые недостаточно больны [для трансплантации сердца] может привести к преждевременной смерти “успешного” получателя» (J.G. Copeland et al., “Selection of patients for cardiac transplantation,” *Circulation* 75 (1987), p. 1).

отношение встречается довольно часто, причем не только в медицинском лечении. Среди примеров, приведенных ранее, образование, поддержке умственно отсталых и реабилитация заключенных, вероятно, имеют дело со схожими ограничениями. Грубо говоря, эффективность диктует сосредоточение на промежуточных случаях, сочувствие — на тяжелых, а лень — на легких.

Трансплантации сердца служат непосредственной иллюстрацией различия между уровнем и приращением. Я приведу довольно большую цитату, которая прояснит эту мысль наилучшим образом:

Основной конфликт с критерием эффективного или «лучшего» использования сердца возникает при отборе пациентов в качестве кандидатов на трансплантацию. Нынешняя система отбора отдает приоритет кандидатам в списке с наиболее острыми случаями, включая тех, у кого произошло отторжение трансплантата, и тех, кто пользуется искусственным сердцем в ожидании трансплантата. Стремление к эффективному использованию донорских сердец может вступать в противоречие с таким распределением, ибо наиболее острые случаи нельзя назвать самыми эффективными, в отличие от более здоровых кандидатов. Тем не менее, разве не ясно, что решение в пользу этих кандидатов морально неприемлемо? Признавая всю важность эффективности, соображения строгого равенства позволяют избежать отказа от критически больных пациентов. Как только кандидат попадает в список, можно быть уверенным, что наиболее нуждающийся получит донорское сердце первым... Повторная трансплантация после отторжения сердца также, по-видимому, противоречит соображениям эффективности, если выделить второе сердце пациенту, который не имеет таких же шансов на выживание, как и более здоровый кандидат. Тем не менее, многие врачи считают делом чести продолжение работы с получателем, у которого произошло отторжение, и не отказываются от него. Такой выбор нельзя назвать необоснованным, и второй трансплантант можно оправдать даже в том случае, если одни пациенты получают два сердца и все равно умирают, а другие не получают ни одного⁵⁷.

Сделанное в этом фрагменте замечание о том, что острые случаи *вряд ли* будут эффективными, как и случай с более здоровыми кандидатами, подкрепляет представление о существовании систематического противоречия между критериями уровня и приращения или между сочувствием и эффективностью. Отмечая ценность верности, он также обращает наше внимание на дополнительный фактор. Это норма *полноценности* лечения, существующая у врачей. Врачи, скорее, будут интенсивно лечить немногих пациентов, чем большее количество пациентов, но менее интенсивно. Как только человек приобретает статус пациента, медицинская этика требует, чтобы врач сделал все, что в его силах,

⁵⁷ J.A. Robertson, "Supply and distribution of hearts for transplantation: Legal, ethical and policy issues," *Circulation* 75 (1987), p. 82. См. также: F.M. Kamm, "The Report of the U.S. Task Force on Organ Transplantation: Criticisms and Alternatives," *The Mount Sinai Journal of Medicine* 56 (1989), p. 207–220.

чтобы его вылечить. «Как врачи, мы обязаны предоставить своим пациентам все самое лучшее. Пациент справедливо ожидает, что его врач будет действовать исключительно в его интересах. Если показано очень дорогое лечение, то врач должен приложить все усилия, чтобы его пациенты получили такое лечение... Врач не может служить двум господам — своему пациенту и кошельку общества»⁵⁸.

Взятые сами по себе медицинские нормы максимально внимательного отношения к каждому пациенту и лечения сначала самых тяжелых случаев вступают в противоречие с принципом эффективности⁵⁹. Эффективность, нацеленная на результат, требует, чтобы врачи уделяли свое внимание большему числу пациентов в состоянии средней тяжести. Но неясно, насколько нормы сочувствия и завершенности можно отделить от подготовки врачей. Без этих норм непросто будет пробудить у врачей верность и внимание к деталям, которые мы так ценим, исходя из нацеленности на результат. Отдаленной аналогией может служить явно бессмысленный перфекционизм почтовых служб в некоторых странах, особенно в прошлом. Введение принципа доставки на следующий день для всех писем, независимо от того, как далеко живет адресат, вызывало издержки, которые также казались чрезмерными, если рассматривать их обособленно. Тем не менее, нерушимый принцип, вместе с героическими историями о его соблюдении, может способствовать развитию профессиональной гордости и мотивации, что ведет к лучшему оказанию услуг, чем позволяет достичь любая нацеленная на эффективность система при тех же издержках.

При трансплантации почки также требуется моральный выбор, но несколько иной. Эти операции, отличающиеся от трансплантаций сердца в том, что касается медицинской необходимости, менее важны, потому что большинство пациентов может жить на диализе, ожидая трансплантации. Тем не менее, как будет показано ниже, здесь также существует конфликт между эффективностью и справедливостью.

Распределение почек, то есть предоставление доступной почки пациенту, производится с учетом множества медицинских ограничений. Во-первых, донор и получатель должны иметь одну группу крови. Во-вторых, у получателя не должно произойти образование цитотоксических антител против почки донора. Это ограничение может быть жестким, поскольку некоторые кандидаты на трансплантацию имеют антитела против большинства почек. Этих пациентов называют «чувствительными». В-третьих, получатель и донор должны подходить друг другу в смысле наличия как можно большего количества общих антигенов. В отличие от первых двух ограничений, это не является абсолют-

⁵⁸ M. Angell, "Cost containment and the physician," *Journal of American Medical Association*, 254 (1985), 1206.

⁵⁹ О социальных нормах и их отношении к рациональному, нацеленному на результат поведению см.: J. Elster, *The Cement of Society* (Cambridge University Press 1989).

ным, хотя оно и остается важным фактором при определении вероятности успеха⁶⁰. И, наконец, донор и получатель не должны жить слишком далеко от центра трансплантации, так как органы быстро приходят в негодность.

В настоящее время распределение почек в Соединенных Штатах регулируется Единой сетью обмена органами. Немного позднее я опишу действующие правила, а пока нужно сказать несколько слов о нерегулируемой и децентрализованной практике, основываясь на исследовании, проведенном Почечной сетью на американском Среднем Западе⁶¹. Предположим, что центр трансплантации получает почку⁶². Прежде всего, группа крови и антитела используются для исключения определенного числа потенциальных получателей в листе ожидания центра⁶³. Затем окончательный получатель подбирается на основе соответствия антигенов и по другим медицинским показаниям. В этой сети почки обычно предоставлялись только тем пациентам, которые имели два или больше антигенов, совпадающих с антигенами донора. Некоторым чувствительным пациентам почки предлагались даже тогда, когда они подходили им неидеально.

Другие медицинские показания отчасти связаны с причинами заболеваний почек. Заболевания почек, вызванные диабетом, намного сложнее тех, что вызваны гипертонией, тем не менее пациенты с заболеваниями почек, вызванными диабетом, чаще получают трансплантаты. Автор исследования утверждает, что «это может быть вызвано соображением, что состояние этих пациентов особенно плохо, несмотря на диализ»⁶⁴. Если это так, то этот факт может иметь одно из двух объяснений. Либо сочувствие врачей приводит их к тому, что они предпочитают пациентов, которые испытывают более сильные страдания. Либо соображения эффективности приводят их к тому, что они предпочитают пациентов, в состоянии которых могут наступить большие улучшения: хотя в абсолютном выражении результат оказывается менее благоприятным, чем для других пациентов, в относительном выражении улучшение оказывается большим, так как оно начинается с худшего состояния.

⁶⁰ Хотя в медицинской литературе отсутствует единство мнений по этому вопросу, это утверждение остается верным даже после введения циклоспорина. См. особ.: Opelz, "Allocation of cadaver kidneys for transplantation".

⁶¹ M. Kjellstrand, "Age, sex, and race inequality in renal transplantation," *Archives of Internal Medicine* 148 (1988), p. 1305-1309.

⁶² На самом деле обычно доступной становится не одна почка, а пара. Затем центр трансплантации оставляет одну для себя, предлагая другую на основе ротации какому-то другому из центров в сети.

⁶³ Здесь и далее я не рассматриваю проблемы, связанные с формированием листа ожидания. Говорят, что необъективность в трансплантации во многом вызвана неравным доступом к листу ожидания, а не только несправедливым отбором из листа.

⁶⁴ Kjellstrand, op. cit., p. 1308.

После прорывной статьи Томаса Страцля и его коллег из Питтсбургского университета⁶⁵ была создана новая централизованная система распределения почек, основанная на схеме распределения баллов для потенциальных получателей донорской почки, а затем отбора человека с наибольшим количеством баллов. Как и в схеме, использовавшейся при демобилизации американских солдат после Второй мировой войны, баллы в ней проставляются как по основаниям, ориентированным на прошлое, так и по основаниям, ориентированным на будущее⁶⁶. Я опишу только часть схемы, которая важна для рассматриваемых мною здесь вопросов⁶⁷.

Во-первых, пациенты получали баллы — от 0 до 10 — за время, проведенное в листе ожидания. Пейтон Янг показал, что способ накопления баллов в листе ожидания нарушает условие, схожее с условием независимости от нерелевантных альтернатив при социальном выборе⁶⁸. Относительное положение двух человек (по отношению друг к другу) в листе может быть изменено при выпадении из него третьего человека. Янг также показал, что парадокс может быть преодолен путем распределения баллов по (кардинальной) продолжительности времени ожидания, возможно, ценой какого-то другого фактора, а не по (ординальному) месту в очереди.

Во-вторых, пациенты получали баллы — от 0 до 12 — за количество совпадающих антигенов. Эта часть схемы отражает соображения эффективности.

В-третьих, пациенты получали баллы — от 0 до 10 — за «уровень образования антител». Как пояснялось ранее, многие пациенты имели антитела, полностью исключавшие возможность пересадки им отдельных почек. Предположим, что человек имеет антитела против 60% почек, произвольно взятых у населения. В соответствии с этой схемой, он получает 6 баллов. Уровень образования антител, таким образом, играет двоякую роль в этой схеме. По медицинской необходимости он сохраняет свою исключительную функцию в отборе подходящих почек для отдельных пациентов. Но, кроме того, описанное распределение баллов ведет к тому, что низкие шансы найти подходящую почку когда-либо вообще могут быть сведены на нет низким соответствием антигенов, когда подходящая почка, нако-

⁶⁵ T. Starzl et al., "A multifactorial system for equitable selection of cadaver kidney recipients," *Journal of American Medical Association* 257 (1987), p. 3073–3075.

⁶⁶ Но эту схему нельзя назвать смешанной в узком смысле слова, определенном нами ранее, потому что она не нацелена ни на какое стимулирующее воздействие.

⁶⁷ На самом деле я описываю систему, которая действовала до апреля 1989 года, когда в нее были внесены серьезные изменения. Описание более ранней системы и причин, которые побудили к ее изменению, см.: Меморандум от 7 апреля 1989 года, Единая сеть обмена органами. Основные аргументы касательно эффективности и справедливости действовали и при новой системе.

⁶⁸ H.P. Young, "On the use of priority formulas for determining organ transplantant recipients," *Journal of the American Medical Association* 261 (1989), p. 2957.

нец, будет найдена. Как мы видели, эта практика также действовала и ранее, при нерегулируемом режиме. Правила Единой сети обмена органами включили эти требования в формальном виде. Повысившая количество баллов у тех пациентов, которым «посчастливилось» быть несовместимыми с большинством донорских почек, эта система отражает соображения справедливости или сочувствия. Те же пациенты также накапливали баллы от того, что пребывали в листе ожидания. Поскольку они обычно получали какое-то количество баллов за совместимость антигенов⁶⁹, их отбор был практически гарантирован, *если* появлялась подходящая почка. (Но заметим, что чем больше баллов они получали за уровень образования антител, тем более условным становилось это «если»).

Система гарантировала защиту от двух форм «незвезения» или «медицинской и биологической судьбы»⁷⁰. Одна, только что названная, предполагает высокий уровень образования антител. Другая — в наличии необычного строения антигенов, которое делает маловероятным достижение совместимости антигенов⁷¹. Если бы эффективность, то есть количество совпадений антигенов, была единственным, что учитывалось, то пациенты в этом случае имели бы низкие шансы. Дополнительные баллы за время пребывания в листе ожидания лишь отчасти компенсировали бы этот недостаток. Первый недостаток — высокий уровень образования антител — компенсируется пребыванием в листе ожидания и соответствующими баллами за антитела.

Контраст между эффективностью и компенсацией за «незвезение» имеет, по крайней мере, семейное сходство с различием между критериями приращения и уровня при распределении медицинских благ. Люди с высоким уровнем образования антител или необычным строением антигенов находятся не в таком уж плохом положении *с точки зрения своего заболевания* по сравнению с пациентами с острыми сердечными заболеваниями, которые получают новое сердце, несмотря на тот факт, что их состояние не позволит им извлечь из этого большую пользу. Им просто не повезло в том, что касается доступности эффективного лечения.

V. Заключительные замечания

При распределении редких благ часто возникает желание сравнить некоторые аспекты благосостояния потенциальных получателей: насколько

⁶⁹ Образование антител и совместимость антигенов нельзя назвать независимыми друг от друга. «Широкая реакция цитотоксических антител зачастую направлена против класса антигенов А и В гистосовместимости; поэтому негативная цитотоксическая совместимость для крайне чувствительных пациентов должна означать хорошую совместимость антигенов. Таким образом, показатели антител и антигенов взаимосвязаны» (Starzl et al., op. cit., p. 3075).

⁷⁰ Эта фраза была использована в Меморандуме Единой сети обмена органами от 7 апреля 1989 года.

⁷¹ Ibid.

ко хорошо они обходятся без блага, как получение его повлияет на их благосостояние и так далее. В практических целях нам следует измерять благосостояние по операциональной доступности. Требования, основанные на сверхнормальной или субнормальной эффективности в конвертировании благ в благосостояние, отвергаются, если они не основываются на наблюдаемых чертах, которыми обычно сопровождаются такие (не)способности. Точно так же люди, которые требуют удовлетворения своих дорогостоящих пристрастий, но при этом ничем не отличаются от остальных, не могут рассчитывать на благожелательный отклик. Наблюдаемые критерии распределения редких благ никогда не коррелируют идеально с основной ненаблюдаемой чертой — уровнем или приращением благосостояния, — которой нам бы хотелось достичь. В этом Маркс видел главный сокрушительный довод против самой возможности теории справедливости. Всякая такая теория, утверждал он, относилась бы к различным людям — например, людям, которые схожи во всех наблюдаемых отношениях, но различны в других — одинаково и потому потенциально несправедливо. Но он не замечал, что, указывая на несправедливость таких процедур, он неявно отрицал утверждение, что разговоры о справедливости бессмысленны. Более важно, что он смешивал представление о «первой лучшей» справедливости со «вторым лучшим» осуществлением на практике.

Одни причины того, почему благосостояние само не может быть предметом непосредственного сравнения, связаны с недостатком эмпатии и объемом общего опыта. Другие обусловлены проблемами стимулирования: люди могут пере- или недооценивать степень своей нужды, чтобы получить больше редких благ или платить за них меньше. Третьи носят нормативный характер. Мы можем прекратить производить более индивидуализированные измерения, даже признавая, что никакие информационные проблемы или проблемы со стимулами не мешают нам в этом. Некоторые больные люди могут — в силу своей природной жизнерадостности — иметь более высокий уровень благополучия. Или — из-за своей более высокой гибкости — они могут адаптироваться успешно к этой болезни. Некоторые здоровые люди могут — в силу своей природной мрачности — иметь более низкий уровень полезности, чем большинство больных людей. Или, как в примере, приведенном Рональдом Дворкиным, они могут быть несчастными из-за того, что их религия заставляет бояться того, что они могут быть обречены на вечные страдания. Во всех этих случаях мы можем пренебрегать использованием этой индивидуализированной информации, даже если предположить, что для ее получения не требуется никаких издержек. Большинство из нас догадывается, что такие вещи, как природный темперамент, способность адаптироваться к трудным обстоятельствам и религиозные убеждения не служат возмещению недостатков и не составляют их аналог.

В контекстах локальной справедливости возникают дополнительные ограничения. Боязнь тяжб способствует распространению меха-

нических процедур за счет более индивидуализированных критериев. И — что более важно — врачи и другие специалисты по распределению не считают, что они занимаются исправлением социальной несправедливости. Они являются специализированными поставщиками специфических услуг, а не содействуют распространению общего благосостояния/благополучия. Они могут быть готовы исправить недостаток, который подпадает под их специфическую область, но не несовершенство вообще. Человеку, нуждающемуся в почке, могут помочь исправить положение с этой, но не с остальными медицинскими проблемами, и уж точно врачи не станут заниматься решением его немедицинских проблем. Если специалисты сознают, что картина болезни шире, они оставляют ее другим. Но зачастую нет никого, кто бы ощущал ответственность за эту более широкую картину. И многие локально-справедливые решения, принимаемые различными институтами по отношению к одному и тому же индивиду, могут способствовать росту глобальной несправедливости.

Перевод с английского Артема Смирнова